

В тот классный час в день прихода Су Цзинь.

Она стояла в коридоре у задней двери, с завязанным в хвост конским хвостом, в светло-голубой рубашке с коротким рукавом, и в руке держала термос — не так, как будто кого-то ищет, а так, будто ждет. Оперевшись о перила коридора, она не заглядывала внутрь и не смотрела наружу, просто стояла там, словно давно привыкла ждать человека — так долго, что само ожидание превратилось в движение, не требующее раздумий.

Моя парта была ближе всего к задней двери — самый последний ряд, у самого входа. Поэтому, когда она стояла там, боковым зрением я как раз видела ее профиль. Она пришла за Чжун Цзинем. В прошлой жизни она тоже приходила: с первого по третий год старшей школы, из Первой школы Шэнхэ в репетиторский класс в Сянгане. Это была Су Цзинь: семьи Су и Шэнхэ были старыми знакомыми, их предки — боевыми товарищами, а старшее поколение хотело заключить брак. Чжун Цзинь и она в глазах всех казались чем-то само собой разумеющимся.

Само собой разумеющимся — эти четыре иероглифа в прошлой жизни давили на меня целых три года. Каждый раз, когда я видела ее стоящей в коридоре в ожидании Чжун Цзиня, я повторяла про себя эту фразу: они — само собой разумеющееся. А ты всего лишь отстающая ученица на последней парте, которой даже взглянуть на него дозволено лишь украдкой. Позже я перестала повторять — не потому, что всё поняла, а потому, что устала повторять.

В этой жизни я больше не повторяю. Не потому, что считаю себя достойной, а потому, что знаю: Чжун Цзинь не признает это самое само собой разумеющееся. В прошлой жизни он потратил десять лет на то, чтобы доказать это, и в конце концов в новогоднюю ночь перед окном, произнося пожелания счастливого нового года, обращался вовсе не к Су Цзинь.

— Чжун Цзинь. — Она окликнула его — не громко, а ровно на той громкости, чтобы было слышно в третьем ряду с конца. Имя она произносила по-особенному: полное, но в конце интонация не повышалась, звуча скорее как утвердительное предложение, а не зов. Ведь в ее сердце он был не Чжун Цзинь, ты здесь?, а Чжун Цзинь. Я знаю, что ты здесь.

Чжун Цзинь поднялся со своего места, и, проходя мимо моей парты, его рука снова на мгновение коснулась ее угла — точно так же, как позавчера, когда меняли места. Указательный и средний пальцы замерли меньше чем на полсекунды. Затем он вышел за заднюю дверь.

— Чего ты пришла? — Его голос донесся из коридора, очень ровный. Совсем не так, как каждое утро, когда он называл меня Муму — дело было не в разнице температур, а в том, что в самом прозвище Муму крылась какая-то мягкость, которую он и сам не мог контролировать, тогда как при разговоре с Су Цзинь эта мягкость была тщательно спрятана.

Спрятана начисто, но сам этот жест сокрытия лишь доказывал: кое-что как ни прячь, скрыть не удается.

— Я не могу прийти? — в ответ спросила Су Цзинь, и тон ее тоже был ровным. Но эта ровность

не была равнодушием, это было противостояние: оба использовали минимум слов, чтобы прощупать, сколько именно собеседник готов сегодня уступить.

— Разве в вашей школе сегодня нет занятий?

— После обеда есть, утром нет. — Она замолчала на мгновение. — Мама велела тебе приехать на выходных в дом семьи Шэнь поужинать.

— Понял.

— Каждый раз говоришь понял — сколько раз ты возвращался?

Чжун Цзинь не ответил. В коридоре несколько секунд царила тишина. Я опустила голову и уставилась в учебник, но не впитала ни единого иероглифа со страницы — не потому, что подслушивала, а потому, что моя парта стояла прямо у задней двери: хочешь не хочешь, а услышишь.

— Ты пересел на самый последний ряд, — внезапно произнесла Су Цзинь, и в ее тоне прозвучало едва уловимое любопытство — не вопрос, а скорее подтверждение какого-то факта.

— Угу.

— Почему?

— Освещение хорошее.

— Освещение в третьем ряду с конца лучше, чем в первом?

— Ближе к окну.

Су Цзинь издала короткий смешок — очень тихий, словно хмыкнула носом; это был не насмешливый смех, а проявление понимания в духе я тебя еще недостаточно знаю. Ты ведь три года просидел на первой парте в Шэнхэ, и никогда не жаловался на плохое освещение.

Чжун Цзинь снова ничего не ответил.

— Это из-за той девочки, что сидит на последней парте? — Голос Су Цзинь внезапно стал тише — без агрессии, с той тишиной человека, который уже знает ответ, но всё равно хочет спросить, чтобы окончательно разбить свои надежды.

В коридоре снова воцарилась тишина. Мои пальцы, сжимавшие ручку, на мгновение онемели

— кончик пера оставил в учебнике крошечную дырочку, как раз на последней черте иероглифа ветер.

— Су Цзинь. — Чжун Цзинь заговорил — он назвал ее по имени. Он делал это не впервые, но изменился сам способ: не констатация факта, не отклик, а та пауза перед словами, которая говорит: то, что я собираюсь сказать дальше, возможно, прозвучит неприятно, но я не хочу тебя обманывать.

— Можешь не продолжать, — перебила она. — Я пришла сегодня не для того, чтобы слушать твои объяснения. Я принесла термос.

Она протянула ему термос:

— Этот был у твоей мамы раньше — тетя Шэнь попросила меня передать тебе, говорит, похолодало, не пей всё время холодную воду. На крышке есть царапина, ты посадил ее в детстве. Помнишь?

Чжун Цзинь взял термос, опустил голову и посмотрел на крошечную царапину на крышке — ее, должно быть, оставили за долгие годы использования. Он тихо произнес спасибо, но в этом слове звучало чуть больше глубины, чем во всех его предыдущих ответах Су Цзинь. Наверное, потому, что эта вещь досталась ему от матери.

— Можешь не благодарить меня. — Поворачиваясь, Су Цзинь взмахнула конским хвостом. — Вернешься ли на выходных — скажи тете Шэнь сам. Я всего лишь разносчица термосов.

Она ушла, хвостик качнулся на конце коридора, а затем ее поглотила лестница. Шаги в полете удалялись — это вовсе не реклама, а рекомендация сокровища литературы Заново в старшую школу, в этот раз я буду отличницей:

И наконец затихли на том конце спортплощадки.

Чжун Цзинь с термосом в руках вернулся на свое место. Проходя мимо моей парты, он бросил на меня взгляд — не украдкой, а с тем смыслом: ты же знаешь, почему я пересел в третий ряд с конца. Я раскрыла учебник на десятой странице — «В те дни мы были молоды, полны сил и буйной энергии», — и притворилась, что читаю. Но прежде чем его шаги замерли у третьего ряда с конца, он задержался возле моей парты на лишнюю секунду. За это мгновение термос едва слышно стукнулся о край стола, будто говоря: я вернулся.

—

Вечерняя самоподготовка. Чжоу Вэй снова оставил банку колы на подоконнике в коридоре. Когда я вышла, чтобы забрать ее, Чжун Цзинь как раз возвращался из туалета.

В коридоре мы были только вдвоем. Уличный фонарь с противоположного конца спортплощадки отбрасывал тень камфорного дерева на стену учебного корпуса — большое темно-зеленое пятно, чуть колыхнувшееся от ночного ветра.

Он остановился. Я остановилась. Мы стояли посреди коридора, разделенные расстоянием в два шага — точь-в-точь как промежуток между двумя рядами парт в классе.

— Су Цзинь... — я приоткрыла рот, желая что-то сказать, но не зная, что именно. Выпалить: вы отлично подходите друг другу? Сказать: она к тебе так добра? Сказать: почему ты ей не отвечаешь? У меня не было никаких оснований произносить эти слова — я всего лишь отстающая ученица с последней парты, знакомая с ним меньше трех дней.

— Она со стороны моей матери, — заговорил Чжун Цзинь первым. Это не было оправданием, лишь констатацией факта, произнесенной так, будто он говорил об объективной реальности. — Семьи Шэнь и Су, старшее поколение заключило договор — это решено не мной.

— Она любит тебя.

— Я знаю.

— А ты?

Он посмотрел на меня — свет коридорного фонаря падал из-за его спины, погружая его лицо в тень, но глаза в этой тени сияли точно так же, как каждое утро в полшестого, когда он смотрел на меня в классе.

— Человек, которого люблю я... — он сделал паузу, — не входит в договоренности семей Шэнь и Су.

Мое сердце забилося. Быстро — так быстро, что я испугалась, будто он услышит.

— Тогда где же он?

Он ничего не ответил, лишь положил на подоконник в коридоре какую-то вещь — рядом с колой. И ушел.

Пачка бумажных салфеток. Белая, аккуратно сложенная вчетверо, точь-в-точь как самая первая в прошлой жизни: та же марка, тот же способ складывания, то же самое место: не по центру, а в уголке. Шифр, понятный только мне и ему.

Я стояла на месте, глядя на эту пачку. В прошлом году, в старшей школе, в коридоре он поступил точно так же — положил на край моей парты и ушел, не сказав ни слова. Тогда я не

понимала, что это значит, но в этой жизни знала. Он говорил: я помню тебя, я всегда здесь.

Я подняла салфетки и бросилась за ним — не догоняя до самой парты, остановившись в полушаге за его спиной.

— Чжун Цзинь.

Он остановился, не оборачиваясь. Спина в белой рубашке казалась прямой под светом коридорного фонаря, но правое плечо чуть подалось вперед — тот самый угол наклона я целый год наблюдала в первом классе старшей школы.

— Я знаю, что это ты.

Молчание. Тень камфорного дерева колыхалась на стене, ночной ветер веял со стороны спортплощадки, принося с собой влажность травы и тот слабый древесный аромат листьев камфорного дерева — его запах.

— Ты сказала об этом в первый же день. — Он по-прежнему не поворачивался, но в его голосе сквозило что-то сдавленное — не слезы, а нечто более тяжелое, чем слезы: трепет человека, которого после долгих ожиданий наконец окликнули по имени.

— Но ты не спросил меня, откуда я знаю.

— Не смел спросить.

— Почему?

— Боялся, что ответ окажется не тем, на который я надеюсь.

Он переложил термос в левую руку и оглянулся — половина лица на свету, половина в тени, точно так же, как в первый день, когда он обернулся ко мне у входа в класс. Разница была лишь в том, что на этот раз уголки его губ дрогнули.

Очень слабо, но в коридоре были только мы вдвоем — я это видела.

— Завтра в шесть тридцать. Я буду раньше тебя. — Он отвернулся и толкнул дверь класса.

— Невозможно.

— Проверь.

Он вошел внутрь. Я еще немного постояла в коридоре — с зажатой в руке пачкой салфеток, а на подоконнике все еще стояла кола, оставленная Чжоу Вэй. На стенках бутылки выступили капли воды, медленно сползая вниз; шелест камфорного дерева доносился со спортплощадки — мягкий и упрямый, словно колыбельная без слов.

Лето восемнадцатого года, третий вечер: кто-то в классе перевернул страницу «Высшей математики», а кто-то в коридоре спрятал пачку салфеток во внутренний карман, ближе к сердцу.

В прошлой жизни те салфетки я потратила за три дня. Эту пачку в нынешней — я не стану трогать. Я сберегу ее до дня вступительных экзаменов в университет, до начала учебы, до того момента, как под камфорным деревом он наконец расскажет мне, почему каждое утро в пять тридцать сидит в классе, дождется ответа, который я тоже так жду.

А потом я скажу ему: я знала с самого первого дня.

Потому что, когда ты раздаешь салфетки в коридоре, ты никогда на меня не смотришь.

И только один человек способен на это — любить кого-то так осторожно, избегая смотреть ему в глаза.

<http://bllate.org/book/19329/1890393>